

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Гейдар АЛИЕВ:

Я ВЫПОЛНИЛ СВОЙ СВЯТОЙ ДОЛГ ПЕРЕД ВЕЛИКИМ ГУСЕЙНОМ ДЖАВИДОМ

Входишь в этот мемориальный музей, и на тебя буквально обрушивается несказанный свет. Сразу не помнешь — откуда. Из больших ли окон с легкими, прозрачными занавесями, от стен ли с ослепительными белыми обоями. Скорее всего, от чистых светлых душ, с которыми связан этот дом, — Гусейна Джавида, Мишкиназ ханым, их сына Эртогрула...

Когда я поделилась этим впечатлением, хозяйка дома-музея Туран ханым Джавид проронила: — Да, может быть. Но нельзя забывать еще об одной душе (на глаза этой удивительной женщины навернулись слезы — слишком свежа память о недавно ушедшем) — это душа незабвенного Гейдара Алиева. Непьзя, наверное, сделать больше, чем он, для увековечения и почитания памяти Гусейна Джавида...

— Я вхожу в эту комнату, — продолжает Туран ханым, — и вспоминаю, как Гейдар Алиев сидел здесь, за столом, и, забыв обо всех важных делах, этот прославленный на весь мир государственный деятель говорил о моем отце, произведениях, которые с детства вошли в его жизнь. Помню, как он остановился вот у этого стелда, запечатлевшего похоронки отца, и глаза его затуманила печаль... Сколько пришлось ему приложить поистине сверхчеловеческих усилий, преодолеть неслыханных трудностей, но все-таки добиться, чтобы Гусейн Джавид «жил» и после гибели в Азербайджане, чтобы он занял подобающее ему место в истории родного народа...

Мне же, специальному корреспонденту «Бакинского рабочего», вспомнился 1993-й год, блокадный Нахчыван. Председатель Верховного межлиса Гейдар Алиев, который со мной, журналисткой, работавшей в области литературы и искусства к тому времени 40 лет, беседовал об азербайджанской культуре, которую так хорошо знал, о многих выдающихся деятелях, которых так любил. — Гусейн Джавид — мой кумир, я всегда преклонялся перед его гением. Поэт и драматург, художник — титан XX века, он обладал поразительным даром предвидения, предчувствия исторических бурь. Он мыслит глобальными масштабами, призывает людей, молодежь глубоко познать жизнь, искать справедливость, мужественно и честно сражаться со злом, творить добро, защищать его ростки.

Может быть, во многом благодаря Гусейну Джаvidу я слишком рано стал задумываться над смыслом бытия, над проблемой «я и мир». Это пришло ко мне без помощи моих учителей — целой плеяды талантливых, мыслящих, образованных молодых специалистов, влюбленных в поэзию, драматургию, личность Гусейна Джавида. Его верными почитателями были математики, физики, химики, биологи, но самое главное — литераторы. Такие, как Аббас Аксеров, Джамил Искендер, Лятиф Гусейнзаде... — говорил Гейдар Алиев.

Какое счастье, что я, журналист, сейчас могу спросить у 102-летнего Лятифа Гусейнзаде, как ему и его коллегам тогда, в 30-х годах, удавалось воспитать, сформировать целое поколение талантливых учеников, среди которых особенно выделялся Гейдар Алиев.

— Я сам был учеником Гусейна Джавида, учился у него в нахчыванской «Рустия мектеби». Учитель, всегда воодушевленный, раскрывал перед нами красоту и силу классической восточной литературы, — рассказывал Лятиф муаллим. — Помню, с каким волнением он говорил об Омаре Хайяме, жившем в XI—XII веках, — математике, астрономии и поэте, авторе четверостиший — рубаи, пронизанных духом философских исканий, стремлением к счастливой, прекрасной жизни.

Мы, дети, впитывая знания о литературе мира, росли, мучили на высокой поэзии и нашего педагога. Может быть, Гусейн Джавид и писал сцену трагедии, где Омар Хайям предстает учителем, раскрывающим перед учениками тайны мироздания, думая о нас, своих непосредственных воспитанниках. Хочу сказать, что Гусейн Джавид зажил в наших душах факел жажды знаний, и мы несли через годы это пламя, чтобы передать его своим ученикам.

Так что жажда знаний, огонь, который горел в душе Гейдара Алиева, — непосредственное наследие Гусейна Джавида.

Культурная атмосфера Нахчывана была наполнена живым интересом к литературе и искусству. Все новое, что появлялось в культуре Азербайджана, мгновенно схватывалось, обсуждалось, переживалось общественностью и, конечно, нами, молодыми учителями. Мы, бывшие ученики Гусейна Джавида, с неослабевающим интересом следили за нашим учителем, переехавшим в Баку, преподававшим в учительской семинарии, все больше понимая его, все больше преклоняясь перед его гордой, независимой

личностью, — вспоминает Лятиф Гусейнзаде.

Слава Гусейна Джавида, пришедшая к нему с его первыми стихами, Гусейна Сана, Топала Теймура, Князя, Сиявуша ее великий отец, а рядом с ним и прославленная мать Марзия Давудова, получившие мощный заряд вдохновения от слова Гусейна Джавида, от постоянного общения с ним. Эта творческая дружба, беседы об искусстве придавали новые импульсы и драматургу, и актеру. Это было счастливое редкое единение, которое превращало плоды их совместного творчества в высокие достижения азербайджанского сценического искусства.

Но постепенно над головой Гусейна Джавида сгустились тучи. Некоторые театроведы и раньше критиковали драматурга за те или иные «просчеты» в творчестве. Рокеров для советской страны, для Азербайджана 1937 год стал роковым и в судьбе Гусейна Джавида. «Пантюрист», «панисламит», «проповедник буржуазной морали» — подобные ярлыки и всевозможные ругательства сыпались на него, как удары камнями, и финал: арест 4 июня (вскоре его судьбу разделит Аббас Мирза Шарифзаде), талантливый писатель Рафаэль Гусейнов с

давая ярчайшие образы Иблиса, Шейха Сана, Топала Теймура, Князя, Сиявуша ее великий отец, а рядом с ним и прославленная мать Марзия Давудова, получившие мощный заряд вдохновения от слова Гусейна Джавида, от постоянного общения с ним. Эта творческая дружба, беседы об искусстве придавали новые импульсы и драматургу, и актеру. Это было счастливое редкое единение, которое превращало плоды их совместного творчества в высокие достижения азербайджанского сценического искусства.

Новатором он был и в драматургии, открывая своими трагедиями и драмами в стихах новую страницу в истории театра. Его пьесы «Мать» (1910 г.), «Марал» (1912 г.), «Шейх Санан» (1914 г.), «Шейда» (1916 г.),

давая ярчайшие образы Иблиса, Шейха Сана, Топала Теймура, Князя, Сиявуша ее великий отец, а рядом с ним и прославленная мать Марзия Давудова, получившие мощный заряд вдохновения от слова Гусейна Джавида, от постоянного общения с ним. Эта творческая дружба, беседы об искусстве придавали новые импульсы и драматургу, и актеру. Это было счастливое редкое единение, которое превращало плоды их совместного творчества в высокие достижения азербайджанского сценического искусства.

Но постепенно над головой Гусейна Джавида сгустились тучи. Некоторые театроведы и раньше критиковали драматурга за те или иные «просчеты» в творчестве. Рокеров для советской страны, для Азербайджана 1937 год стал роковым и в судьбе Гусейна Джавида. «Пантюрист», «панисламит», «проповедник буржуазной морали» — подобные ярлыки и всевозможные ругательства сыпались на него, как удары камнями, и финал: арест 4 июня (вскоре его судьбу разделит Аббас Мирза Шарифзаде), талантливый писатель Рафаэль Гусейнов с

лей, архитекторов, с которыми я постоянно встречался на концертах, выставках, спектаклях, приглашал их в гости.

Пришел 53-й, затем 56-й год, когда вышло официальное извещение о посмертной реабилитации репрессированного Гусейна Джавида. Я задыхался свободней и приветнее с моими друзьями говорил, не переставая, о величии творчества Гусейна Джавида, о необходимости всем нам «искупить вину» тех, действительных врагов народа.

И какая радость была у меня, когда я вновь стал смотреть спектакли по произведениям Гусейна Джавида, читать объективные статьи и книги о нем! Настоящий праздник души испытал я, снова увидев на сцене трагедию «Хайям», «Шейх Санан»... Именно с тех пор, как Гейдар Алиев стал руководителем Азербайджана (1969 г.), получили бурное развитие самые разные области народного хозяйства, культуры и науки. Деятели литературы и искусства, творческие коллективы, будто соревнуясь друг с другом, создавали интересные работы, выпускали в свет книги, готовили спектакли высокого художественного уровня. Театры Баку и других городов брались за высокую классику, к которой причислялись произведения Гусейна Джавида, и успешно решали сложные творческие задачи.

— Меня радовало внимание деятелей культуры и творчества великого драматурга, — продолжал Гейдар Алиев. — Но не покидала мысль о том, что Гусейн Джавид должен найти последний приют на Родине, в земле предков. Иначе дух его не будет знать покоя. Надо было добиваться решения о перезахоронении, перевезти его прах из далекой Сибири в Азербайджан. Я понимал, что это дело трудное, но не переставал обращаться в самые высокие союзные инстанции. Просьба была не обычная, слишком дерзкая.

Я обращался к Ю.В. Андропову, Л.И. Брежневу. Они отнеслись к моей просьбе с большим пониманием. Согласились на проведение акции было получено. Более того партийным руководителем Иркутской области было приказано оказать во всем содействие «товарищам из Азербайджана», — рассказывал Гейдар Алиев.

«Товарищами из Азербайджана» были Гамид Джафаров, Закир Насиров и Тельман Алиев. Их встретили удивленные и взволнованные сотрудники обкома партии — событие оказалось неординарным: через 41 год после гибели писателя земляки приехали издалека за его прахом, ни о чем подобном в Иркутске не помнили. Нашим посланцам предстоял нелегкий путь в Тайшет, откуда — в село Шувенско, и всюду встречался «зеленый свет». Сквозь бурю и ранние сибирские заморозки побрились в село долго искали на кладбище могилу №99 (та обозначенную по номеру акта о смерти за ключеном).

26 октября 1982 года гроб был доставлен в Баку, где его встречали толпы везелюваных бакинцев. Затем прах великого мастера встречали нахчыванцы и предки родной земле, колыбели его судьбы. На могилу вскоре поднялся невиданный красотою беломраморный мавзолей. Здесь были похоронены также Мишкиназ ханым и Эртогрул.

Многогратные Джавиды нашли успокоение... А дальше неумолимая Туран ханым стала создавать мемориальный музей, где были собраны чудом сохранные вещи — письменный стол, бюро, этажерка с книгами. Здесь и знаменитый обеденный стол «хитрой» конструкции тайников-попок, благодаря чему в том 1937 году люди в черном не нашли некоторые рукописи.

Музей был готов. Но Туран ханым не отрывала его в ожидании Гейдара Алиева — по праву должен был стать первым посетителем именно он, сделавший так много для увековечения памяти Гусейна Джавида. И он провел здесь несколько часов, оставил первую запись в книге отзывов. И теперь, когда Гейдар Алиев ушел в мир иной, частица его души живет здесь...

Светлана МИРЗЭЕВА

«Иблис» (1917—1918 гг.), «Афак», «Пророк» (1922 г.), «Хромой Тимур» (1925 г.), «Сиявуш» (1933 г.), «Хайям» (1935 г.), «Месть дьявола» (1936—1937 гг.) и другие произведения, появлявшиеся одно за другим, говорили о потрясающей работоспособности Гусейна Джавида (нельзя забывать о капитальной работе — поэме «Азер», создававшейся с 1920-го по 1937 год).

И соответственно самые авторитетные литературоведы, критики, журналисты поднимали его творчество на огромную высоту, откликались на все театральные премьеры, выход в свет книг и сборников. Они называли Гусейна Джавида «самым известным и прославленным поэтом Кавказа», «самым могучим поэтом Азербайджана», каждую постановку его пьес объявляли «великим праздником», подчеркивая — «как только автор появлялся на сцене, раздавались бурные продолжительные аплодисменты».

Замечательный исследователь художественного слова Яшар Караев в своей книге «Гусейн Джавид» писал: «Джавид никогда не изменял своему девизу «Мой бог — красота». Все его творчество — это поиски красоты в Человеке, Природе, Вселенной... И даже «Иблис» («Демон») является своеобразным протестом Джавида против философии антикрасоты: масштабом своего бунтарства, величием накала своих страстей этот образ достигает высокого эстетического уровня».

В статье «Октябрь и тюркская литература» Мустафа Кулиев писал: «Гусейн Джавид является великим художником слова. Произведение «Демон» («Иблис») автора по своей музыкальности напоминает поэзию Пушкина».

Да, «Иблис» — знаковое произведение, которое подняло на особую высоту азербайджанский театр и его артистов, среди них великий лицедей Аббас Мирза Шарифзаде — неповторимый исполнитель главной роли. Он был верным другом Гусейна Джавида и в жизни, и в творчестве. Народная артистка Азербайджана Фирангиз Шарифова вспоминает свои детские годы, связывая свои ощущения с театром, где творил, соз-

удивительной проникновенностью воссоздал в своем художественно-документальном произведении — романе «Джавиды» сцены, когда поздним вечером в дом ворвались мрачные люди в черном и увели с собой мужа Мишкиназ ханым, отца Эртогрула и Туран, «врага народа».

Это событие потрясло Азербайджан, потрясло Нахчыван. Лятиф Гусейнзаде продолжил свой рассказ:

— Трудно даже представить, каким горем для всех нас стало известие об аресте любимого человека, любимого драматурга, над которым нависло страшное обвинение. Первая мысль у меня была: «Не верю!». И я стал прятать «до лучших времен» книги со стихами и драмами моего учителя — ведь по всему Нахчывану рыскали люди, конфисковывавшие из библиотек, школ, домов литературу, связанную с опальным Джавидом.

А что говорить мне моим ученикам, как смотреть в вопрошающие глаза Гейдара? Он особенно тяжело переживал случившееся, я даже боялся за него...

И опять я, журналист, вспоминаю 1993 год, Нахчыван, глубокую печаль в глазах председателя Верховного межлиса. — Наши учителя в то время, когда организовывались шумные обсуждения деятельности «врага народа», в них старались не участвовать, — говорил Гейдар Алиев. — И хотя они и подчинились приказу об исключении из школьной программы творчества Гусейна Джавида, никогда ни одного осуждающего слова о нем не произнесли.

В том, 1937-м, я будто сразу повзрослел, вырос на несколько лет. Светлый юношеский мир будто разрушился. Я верил — и не верил провозглашавшимся лозунгам и призывам советской действительности. Со своей тайной любовью к Джаvidу я жил и работал в органах государственной безопасности, стараясь всем, кому мог, делать добро, особенно деятелям литературы и искусства, которые в силу душевной ранимости и хрупкости внутреннего мира очень нуждались в поддержке и сочувствии.

Много, очень много у меня появилось друзей среди артистов, художников, писате-

